

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión N° 3980

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

INTERES GENERAL

AÑO XXXV · Viernes 1 de Octubre de 1982

Буэнос Айрес, 1 октября 1982 № 1680

ПЕЧАТЬ

ПРОРОЧЕСТВО ЖИДА

В “Русской Мысли” от 8-го июля помещена статья Р. Орловой “Андре Жид возвращается из СССР”, где автор цитирует слова Жида в книге, написанной после путешествия в Россию: “Слишком часто правда об СССР говорится с ненавистью, а ложь с любовью”. Что ж, правда все равно есть правда, а ложь есть ложь. И, конечно, Советский Союз, строй, в нем царивший, и люди, его проводившие в жизнь, были и остаются — недостойны любви, а ненависть заслуживают вполне.

Интересно сопоставить эту мысль с воспоминаниями Г. Адамовича в книге “Комментарии” (Вашингтон, 1967). Описывая случайную встречу с Жидом в ниццком кафе (год умышленно не указан; но, несомненно, после поездки того в Россию), вот что автор о нем передает:

“Потом он заговорил о советской России, о каких-то катакомбах, которые должны там возникнуть, о бессмертном русском духе, который в эти катакомбы уйдет до лучших времен... Было это довольно выпендрено, слегка театральное.

Я слушал его и мне хотелось спросить:

— Как может случиться, что вы, Андре Жид... говорите мне вещи, заставляющие меня с трудом сдерживать улыбку?”

Bien rira qui rira le dernier!

При всех своих весьма тяжелых, моральных и политических грехах, французский писатель говорил, в данном случае, как и подабают большому писателю и умному, проницательному человеку; и притом с симпатией к России.

Ядовито хихикающий Адамович, наоборот, только лишь не раз проявлял тут свое полное непонимание происходящего у него на родине, которую не любил и презирал (пакостные чувства эти неприятно бьют глаза повсюду в “Комментариях”, которые тяжело и читать...).

Жид, он таки сумел многое важное уловить и ощутить в стране, где побывал туристом. Будущее целиком оправдало, и в короткий срок, мимоходом оброненные им фразы, обращенные к старому эмигранту, — увы, именно из тех, которые ничтошеньки понять не сумели!

То, что Адамович позже сделался советским патриотом; а там от своих новопринятых убеждений опять отрекся, — лишнее тому подтверждение...

В. Р.

ИЗ САМИЗДАТА

БЕДА РОССИИ

...Страшная историческая беда всей России, что ее монарх не имел более куда обратиться за помощью и утешением... Беда и грех. В том числе — и в первую очередь — это беда Русской Церкви... Во вторую очередь — это беда все того же русского общества, русской демократии и аристократии, “парламентариев” и чиновников. Чем занималось оно, это самое общество? Демократизацией себя и страны изнутри, снизу? Оздоровлением русского общественного мнения? Укреплением духовной жизни, реформой церковной? Творением новых национальных форм государственного и общественного существования на основе и развитии старых? Созданием, наконец, подлинно национального представительства? К сожалению, на все эти вопросы можно ответить лишь общим “нет”. Ибо несмотря на наличие в нем небольшого слоя трезвых и ответственных деятелей, создателей подлинной Новой России, русское общество в своем большинстве предавалось, как известно, партийной грызне и игре в утопии, стяжанием регалий героических страдальцев за свободу, гонимых борцов за “правду” и “народ”, при этом народа не зная и боясь, а правды — Правды — не алкая ни на иоту. Что и привело русский парламент к тому, что он быстро превратился в арену партийных склок и личных амбиций и не только не смог заменить старую верховную власть, но оказался несостоятельным в страшный час испытаний России. Консервативная русская монархия поверила русской демократии и уступила ей власть. Что с этой властью сделала русская демократия, все мы знаем очень хорошо: именно она, а не Николай 2-ой, отдала Россию на растерзание коммунистическому тоталитаризму.

В феврале 1917 года перед царем было два пути; 1) Решительно и последовательно подавить всякую революционную разрушительную деятельность массовыми репрессиями и казнями, что в обстановке тяжелейшей войны было сложно, но осуществимо при наличии соответствующих нравственных установок (которых не может быть у власти, пытающейся

быть христианской) и энергичных и талантливых даже исполнителей. 2) Пойти в конечном счете путем непротivления “объективным обстоятельствам”. Николай 2-ой избрал второе.

И получилось: “Лучше быть гильотинированным самому, чем гильотинировать других”. Можно ли осудить его за этот второй путь, даже зная, во что большевицкая диктатура обойдется потом стране? Удивительно, что в глазах “прогрессивных людей” решительность действий Николая 1-го делает его деспотом, а “нерешительность” Николая 2-го — “слабым и безвольным”. Если вспомнить еще, что царь-освободитель Александр 2-ой за все свои реформы, благотворность которых большевики не в силах вытравить на русской земле до сих пор, удостоился лишь бомбы и проклятий, то останется лишь прийти к выводу: каким бы царь ни был, что бы он ни делал, он всегда будет достоин лишь ненависти, злобного улюлюканья и пули. Это что, критический и “научный” подход к роли личности в истории?

Между тем, как бы ни был “виноват” Николай 2-ой перед Россией, все его личные грехи и слабости, равно как и перенесенные на его голову политиками и идеологами всех лагерей, *смыты мученической кончиной его и его семьи*. И обвинять царя просто нелепо: пала не одна его империя, но в тот же исторический момент не выдержали испытания новым столетием, новой эпохой еще три — Германия, Турция и Австро-Венгрия. А двадцать лет спустя пала Франция; а еще через десятилетие началось “мирное падение” самой великой империи недавнего прошлого — Британской. Зло торжествует весь XX век, и то, что Николай 2-ой и его семья пали в числе первых жертв его разрушительной силы, быть может, — их великая заслуга.

Один из основных аргументов в пользу канонизации царя, царицы, цесаревича и царевен может быть сам факт их мученической кончины...

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВ

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

ползающие

Снимите личины, статисты речистые - Пречистого знамени слуги нечистые!
А. Вознесенский.

В седьмом номере “Нового Мира” опубликована новая поэма Е. Евтушенко: “Мама и нейтронная бомба”. Трудно сказать: было ли дано поэту прямое задание, или он сам, как всегда держа нос по ветру, точно передает указания последней партийной линии: пугнуть публику нейтронной бомбой, ругнуть западную общественность за то, что мало протестует против бомбы, ругнуть диссидентов и закончить восхвалением советской власти.

Поэма получилась довольно длинная, растянутая на тридцати восьми страницах. Написана она вялыми, белыми стихами и интересного в ней мало. Новое в поэме то, что часто упоминается имя Господа Нашего Иисуса Христа всеу; сам Евтушенко говорит, что это теперь модно; да еще приводя свою очень подробную родословную, в конце поэмы Евтушенко описал как он навещил родину матери. Это единственно интересное место поэмы — описание деревни какой он ее увидел, очевидно совсем недавно.

Деревня где родился и вырос его дед, находится в стороне от большой дороги. Добирался туда Евтушенко сначала на вертолете, а потом вместе с драматургом и генералом Белорусского военного округа, на военной машине. Первого родственника встретили по дороге в деревню: “На проселке стоял необыкновенный старик. Необыкновенность его состояла из эсэсовского унтер-офицерского мундира, на котором болтался Георгиевский крест рядом с партизанской медалью, а также из новых постолов, где в переплетениях лыка застряли небесные незабудки.” То есть через тридцать с лишком лет после окончания войны, старик еще донашивал немецкие обноски!

Дальше, приехали в деревню, а она пуста — все ушли на работу копать картошку. “Мы вышли в поле, и я увидел копавших картошку детей и женщин, а еще я увидел — впервые в жизни — младенцев, еще ходить не умеющих, но по полю ползавших с пользой — выгребая пальчиками картошку.” Евтушенко не взвыл от горя при виде такой картины, не бросился взывать к обществу защиты детей (если такое существует в СССР). Нет, эта картина показала ему достижением — дети ползали с пользой.

Объявился Евтушенко среди деревенских работников, и бросился к нему с объятиями радостные

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

КАК ПОДГОТОВИТЬСЯ?

Прочитав заметку Г. Л. Лукина ("НС" № 1677), я совершенно с ней согласен: молодежь не может ехать неподготовленной на территорию занятой врагом. Для этого ей нужно знать сегодняшнюю действительность этой территории, а не иметь только знания о временах, когда территория не была занята врагом (хотя они очень полезны) и следовательно быть абсолютно изолированным от сегодняшней действительности. (Несколько лет назад мне пришлось прочитать в эмигрантском учебнике истории о "ныне здравствующем Николае 2-ом"). Если кто едет в Россию, ему нужны сегодняшние сведения, а не вчерашние. Как же нам узнать о теперешнем положении в СССР? Через советскую прессу? Или самим прочувствовать оно через личный контакт с приезжающими из СССР?

М. Жуков (Парагвай)

РАЗБУЖЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ

Хочу принести мою искреннюю благодарность за предоставленную моей дочери возможность провести три недели в разведческом лагере руководимой Г. Л. Лукиным ор-

родственники и младенцы пополнили к нему "сжимая картофельки втрое больше их крошечных кулачков". И заплакали генерал и драматург видя такую радостную встречу родственников...

Затем, осушив граненый стакан розового свекольного первака, в хате, в которую набилось штук шестьдесят Евтушенок, бабка Ганна вспомнила деда... и так вспоминала, вылила бабка, по словам Евтушенки, четыре стакана первака. Бабка говорила: "А тебе повезло, унучек, что твоя родня — добрые люди. Не дай Бог мы были бы якие-нибудь уласовцы ци спекулянты!" Тут бабка показала у себя на груди знаки фашистских пыток — ожоги от зажима. Бабка партизан не выдала.

"А потом бабка Ганна выпила четвертый стакан первака и спросила: "А ты бывал в других странах?" "Бывал". "А встречал там еще Евтушенок?" "Нет, не встречал... А что, разве есть Евтушенки — эмигранты?" И бабка Ганна выпила пятый стакан первака. "Да я говорю не о радне по прозвищу — а о радне по душе. И если где нибудь в Америке или в Африке есть добрые люди — так мне кажется — они все Евтушенки... И ты стремись искать родню по белу свету. Ищи родню и всегда родню отыщешь, как отыскал нас, и за это благодарю тебя внучек..." И заплакала бабка Ганна, и заплакала бабка Евга, и заплакали все шестьдесят Евтушенок..."

Прочитав это описание эксплуатации стариков и младенцев на колхозном поле, я присоединилась к шестидесяти евтушенкам в хате бабки Ганны и тоже заплакала. Заплакала о многотрадной бабке Ганне и о ползающих "с пользой" по взрыхленному полю еще не умеющих ходить младенцев.

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

ганизации, пользуясь помимо всего — самым радушным гостеприимством. То, что русской молодежи в Аргентине доступно уже в течение многих лет, для нашей проживающей в Бразилии, явился целым событием. И мы, видимо, по-видимому, чреватые важными последствиями. Для того, чтобы верно судить о смысле происшедшего, нужно иметь представление о том положении, в котором наша молодежь здесь находилась вплоть до последнего времени. Уже очень давно жизнь русской колонии в Сан Пауло пришла в совершенный застой, при котором любая инициатива, направленная к чему-нибудь общественно полезному встречалась полнейшим равнодушием или же, что хуже того, — попыткой разрешить вопрос попроще, подешевле, почти всегда — с заведомо негодными средствами. Таким образом, то немного в культурном отношении, что кое-как ухитрялось пробиться, подобно росткам на булыжной мостовой, опрощалось и опощалось, превращаясь в самый отпетый Kitsch. В основном же, преобладал крепкий, хорошо отстоявшийся мешанский дух.

Кстати, — об этом духе. Мещанин — западноевропейское "буржуа", наименование, которое в Европе считается заслуживающим уважение, в России, как известно, — слово ругательное. Оно означает человека пошлого и живущего исключительно для себя, безо всякого социального обязательства, руководствующегося принципом "моя хата с краю". И в дореволюционной России и в подсоветской, говоря о ком-нибудь "мещанин", говорящий почти всегда добавлял: "сволочь". Русский мещанин, к тому же, — существо и психологически неполноценное; — он сознает, что над ним тяготет презрение всей русской литературы и поведение его значительно отличается от поведения его западного собрата. Европейский буржуа твердо держится в жизни, совесть его или, вернее, заменяющий ее, сколоченный из практических мерок, кодекс, пребывает в мире. Буржуа живет, пьет, ест и накапливает ничтоже сумняшеся. Русский же мещанин, обычно, старается сохранить "и в самой подлости оттенок благородства". Поэтому, особенно, здесь за границей, где каждый на виду, мещанин рассудительного скептика, подвергает сомнениям моральные ценности, старается доказать, что все, что требует в наших условиях усилий и жертв, — их не стоит, словом, идет гораздо дальше своего западного собрата, который грешит против человеческого достоинства только своими низменными чувствами. Русский же мещанин за рубежом грешит, возводя клевету на самый Дух, которого не должно угашать (1 Фес., 19).

А для того, чтобы пребывать в мире с собой русский мещанин культивирует самое отвратительное ханжество и, если о чем-нибудь и заботится кроме своего мелкого стяжательства, — то это о том, чтобы считаться человеком благонравным и благочестивым. Поэтому становится вполне понятным, что "культурнопросветительные" мероприятия для такого обывателя сводятся, обычно, к "журфиксам", которые, по меткому замечанию проф.

Ильина, никогда не создавали ничего кроме пошлости. В местах большого скопления таких обывателей, в конце концов, они полностью вытесняют все мирские мудрствования вроде наук и искусств. Замечание же проф. Ильина, в наше время, приобретает особый смысл, так как, никогда еще не были столь уместными, принадлежащие Блаженнейшему Митрополиту Антонию, следующие слова: "... мы хотим отметить только факты печальной действительности, созданной не отдельными людьми, но веками, так что теперешние руководители воспитания сами являются не столько делателями верограда, сколько печальными произведениями исторических условий".

Это прискорбное положение вещей не могло не отразиться на деле воспитания и обучения молодежи.

Мещанство вообще, а мещанство "воинствующему", особенно, присуще то, что Хомяков остроумно определил, как "гордость темного незнания", причислив ее к нашим грехам. Увы! Нет ничего удивительного, что в этой атмосфере маразма, упомянутое "воинствующее", т. е. требующее к себе как к таковому, уважения мещанство легко раздобыло себе и подходящий к случаю лозунг. С некоторых пор у нас стало все чаще повторяться мысль о том, что "важнее быть православным, чем русским"; мысль столь же логическая, как, скажем, утверждение, что важнее дышать левым легким, чем правым (здесь, правда, имеется хоть анатомическая разница). Несостоятельность подобной мысли настолько очевидна, что на ней не стоило бы даже задерживаться, если бы ее не приписывали весьма уважаемому канадскому архиепископу Виталию, который, в свою очередь, только развил мысль митрополита Антония Храповицкого (Т. 17, стр. 93). Зная близко Владыку Виталия и являясь его долготелетним литературным сотрудником, я смело могу свидетельствовать о том, что мысль его была грубо искажена. Зато, искаженная, она явилась подлинной находкой как раз для Иванов, не только не помнящих своего родства, но уже и самих себя не помнящих. Еще бы! Отпадал вопрос о сколь-нибудь приличном обучении детей русскому языку, зачеркивалась отечественная литература, история, география, отменялись многие понятия, которые могли бы встать на пути к "братанию" со всеми и каждым на почве характерной для безнационального и "плюралистического" общества, — на почве безпринципности.

Трудно проследить за эволюцией, занявшей свыше тридцати лет, но по сей вероятности, все началось с беспомощного и трогательного орпортет vivere, а потом, проглотили и более глубокие качественные изменения в жизни. Изменения протекающие в полном согласии с наблюдениями Поля Бурже: "когда человек не поступает так, как думает, он начинает думать так, как поступает". Словом, предельное марксистское: бытие определяет сознание. Вот до чего можно докатиться, вступив на скользкий путь компромисса с совестью. Впрочем, специфические условия жизни в данной стране очевидно тоже, в какой-то мере, повлияли на формирова-

ние нашего быта здесь: Бразилию, как и Россию "умом... не понять, аршином общим не измерить", но в то время, как перед Россией, как феномен, можно остановиться в глубоко раздумьи, во взросте случаев приходится только развести руками... Однако, каковы бы ни были причины, они привели к явному расщеплению, и в индивидуальном, и в коллективном плане, на два, казалось бы, взаимоисключающих элемента — самое оголтелое "потребительство" в чисто американском стиле и, доходящая уже в некоторых случаях, чуть ли не до клинических симптомов помешательства, "духовность". Первый получил эвфемистическое наименование солидности и домовитости, второй привел к тому, что все нравственные поучения потеряли какой бы то ни было практический смысл, сделавшись достоянием чистой схоластики.

Ничего, по существу, не делая, мы постоянно разыгрываем некие "действия", скользя на кончиках нервов, как балерина на пуантах. Наше отношение ко всему обостренное, психопатическое. Если мы чем-нибудь восхищаемся или что-нибудь осуждаем, то восхищаемся и осуждаем вдруг, по наитию, по осенению или, — как выразился бы какой-нибудь Зоценко, — словно нас хоботом по голове ударило. В кульминационные моменты нашего эмигрантского биоритма нами овладевает жажда кипучей деятельности, но столь возвышенной, что каждодневный труд в поте лица своего там, где "жагвы много", не то, что презирается, а, просто, выпадает из поля зрения. Как я уже упомянул, — нам больше присуща склонность не к действиям, а к "действиям", — или кого-нибудь ославить, или кого-нибудь прославить нас, — обязательно, в космических масштабах.

Нет ничего удивительного, что и молодежи приходится выбирать между выхолощенным языкоблудием на "возвышенные" темы и реальностью жизненных запросов, для разрешения которых они имеют самые туманные указания или же даже и таковых не имеют. Поэтому и быт ее, не обретший естественно некую живую сердцевину, предстает собой чисто механическое соединение небольшого числа элементов.

До какой степени, однако, сама молодежь удовлетворяется таким образом существованием? Вернувшись из Уругвая и Аргентины наши подростки, как один, говорили о буквальном прозрении в смысле осознания своей принадлежности к нашему народу и желанию наверстать потерянное время, причем, говорили это с некой обидой на то, что им раньше этого никто не дал по-настоящему почувствовать. И нужно сказать, — я им верю. Даже, сделав некоторую скидку на увлечение, невозможно не признать, что пребывание, даже столь краткое, в среде молодежи организованной и организованной вокруг здоровых принципов и правил — чрезвычайно благотворно на них действовало. Начать с того, что они стали больше говорить по-русски и говорить на темы уже весьма отличные от тех, которые их еще недавно занимали. Разумеется, — это только начало, но, несомненно, начало чего-то вполне

Г. ГЕРШАН

Цветы На Асфальте

В тот день нас не водили по "показательным школьным классам", не приглашали навстречу с "рабочим классом", не возили смотреть на "высокий класс работы" чешских стеклодувов. Был свободный от "мероприятий", а потому и редкий в туристической поездке "бесклассовый день". Мы называли этот день — "днем бараклиста".

Толпой, слоняясь по улицам небольшого чешского города, останавливались у каждого магазина. Вытаскивали списки вещей, которые было поручено купить в первую и вторую очередь и, тупо глядя на витрины пытались разобраться в наименованиях, цветах, ценах и прочих атрибутах мешанско-стяжательской дребедени. Всем хотелось оправдать затраты на поездку, купив то, что нельзя достать в Москве, но легко продать в комиссионном магазине. Шли медленно и нудно, переходя из магазина в магазин, подолгу ожидая друг друга, томясь этим неинтересным занятием.

В очередной раз, стоя на перекрестке, мы обратили внимание на странное обстоятельство. На асфальте тротуара лежали цветы: веточки чайной и белой розы, красные гвоздики и астры. Шел снег, температура около нуля. Снежинки таяли тотчас, как касались цветов и стекали каплями на асфальт. Цветы пожухли. Они умерли первый раз, когда их срезали. Теперь они умирали вторично: умирали их красота. Все живое умирает в природе один раз. И только цветы, только цветы умирают дважды.

А люди шли и шли и, подходя к цветам, сходили на мостовую. На кучке увядших появлялись свежие с той же печальной участью, что и у прежних. Цветочный хол-

реального. Верю и в то, что они так легко теперь не отступятся от дела, — в этом отношении, просто трогательно было слышать слова одной из старших девушек, просившей всех родителей о том, чтобы они поддержали решимость и волю молодежи, буде они начнут ослабевать. Самое же главное — они повидали людей, русских людей, сознающих это, гордящихся этим, — и им захотелось стать такими же.

Надо сказать, что крль скоро здесь соберется хотя небольшая компания, взрослых ли, детей ли — все переходят на туземное наречие. Обычное извинение — присутствие одного не русского человека. Теперь же, после поездки нашей молодежи в Уругвай, русский язык начинает "входить в моду", постепенно втягивая даже тех, которые еще недавно с серьезным видом задавали, в данном случае чисто риторический вопрос — "быть или не быть" и тут же отвечали, что детям лучше русскими не быть, дабы избежать "миллиона терзаний" в своем двойственном положении на чужбине. Что же до молодежи, — то, повторяю, она, повиданному, решительно не хочет возвращаться в мешанское болото. В этой новой ситуации облегчается для меня и моя непрерывная работа над воспитанием дочери — это и есть еще одно основание для благодарности.

Владимир Брезунов (Бразилия)

мик из увядших, увядающих и свежих цветов медленно рос.

Рядом, лицом к стене дома стояла женщина в совершенно мокром от растаявшего снега пальто. Теперь приглядевшись, обнаружили новую странную деталь. Прежде чем пройти мимо, чешки кланялись этой женщине, а чехи, перед тем как поклониться, снимали шляпы. Стояла она не шевелясь, скрестив руки перед собой и опустив голову на грудь, своей неподвижностью напоминая статую. Только губы ее все время шевелились: то ли молилась, то ли разговаривала сама с собой или с кем-то.

Еще одна чешка шла к этому месту. А подойдя, перекрестила себя, место где лежали цветы и женщину, продолжавшую так же неподвижно стоять. Затем медленно, медленно подошла к ней почти вплотную, опустилась на колени прямо в жидкое месиво из воды и снега и взяла в ладонь подол ее пальто, поцеловала.

Мы ничего не могли понять. Почему здесь цветы, кто эта женщина, вызывающая у всех такое благоговение? Что все это значит? Что здесь произошло? Захваченные необычайностью виденного, только сейчас обратили внимание, что мы не одни. Несколько чехов и чешек остановились и наблюдали за происходящим. Но в отличие от нас, смотревших с тупым любопытством и удивлением, их взгляды выражали сострадание и жалость. Мы обратились с вопросом к высокой худой старухе в надежде, что она понимает по-русски. Надежда оправдалась. Она довольно хорошо говорила и понимала русскую речь. И даже относительно частое вкрапление чешских слов не мешало восприятию. Старуха оглядела нас, мне кажется, догадалась: "кто есть кто", но решила тем не менее утвердиться:

— А вы кто? Откуда?

— Мы туристы из Москвы, приехали посмотреть на вашу прекрасную страну.

— Вы из Союза... ну что ж я вам расскажу эту историю. А пока я вам буду рассказывать смотрите на Венцеславу, запомните ее. Да я думаю после того, что вы услышите и сами не сможете забыть, даже если бы и захотели. Наверняка вы не этого ждали увидеть в "прекрасной Чехословакии". Вам, конечно же, хотелось увидеть ресторан "Белая лошадь" на Вацлавской площади в Праге с его стриптизными девками, сталактитовые пещеры Мацохи, где снимался ваш фильм "Хозяйка медной горы", курорт Карловы Вары с блестящими магазинами и отелями, ну и, естественно, — баракло, кучу баракла. А тут цветы на асфальте и наша Венцеслава. Черное ее одеяние сейчас больше к лицу нашей Чехии.

Чешка помолчала, успокоила дыхание, ставшее неровным от нахлынувших воспоминаний и начала рассказывать.

— Было это в конце лета 1968 года. Я случайно шла этой улицей и видела все от начала и до конца. Вот здесь, чуть дальше места, где лежат цветы, стояла группа наших солдат с автоматами или винтовками. Я плохо разбираюсь в этих делах. Они решили защищать город, натаскали откуда-то разбитых ящиков, ломанной мебели, каких-

то кусков железа и из всего этого хлама устроили баррикаду. Откуда они узнали с какой стороны пойдут ваши войска я уж и не представляю. Изю всех окон высовывались люди, одновременно и хвалили их и боялись за них. Совсем ведь молоденькие ребята. Если уж говорить откровенно, то никто всерьез и не верил, что дело может дойти до кровопролития. Ну не верилось, что ваши будут стрелять. Да и мыслимое дело: оборону держат 7 мальчишек с одними автоматами. Через 20 минут кончатся патроны и что дальше? Что сказать: чистой воды безрассудство. Помню трезвые-то голоса уговаривали их бросить эту ребяческую затею, кинуть автоматы и расходиться, пока еще не поздно, по домам. Солдаты не уходили. Ждали ваших и вскоре мы услышали характерный грохот и лязг, а затем и увидели первый ваш танк, загородивший собой всю ширину узкой улицы. Он двигался на баррикаду не стреляя. Мальчишки наши не выдержали и один за другим стали убегать, бросая автоматы.

А вот в этом подъезде, как раз за вами, стояла девушка с парнем. Они видели всю эту сцену. Неожиданно, девушка бросила как камень вслед убегающим солдатам:

— Трусые.

и вырвав свою руку у парня, она выскочила на середину улицы, вот на это место, где вы стоите, лицом к танку, широко расставив руки.

— Не пройдешь, не пуцу, — закричала она, обращаясь к танку, как к живому врагу.

Танк еще прополз несколько метров и остановился, как будто уткнувшись в какой-то невидимое глазу препятствие. Внутри танка что-то происходило: он то конвульсивно дергался вперед, то остановившись на мгновение, пытался задом, пытался раз даже объехать девушку, но слишком уж тесны, как вы видите, наши улицы. Еще несколько конвульсивных движений вперед и назад и вдруг танк, равнувшись вперед, опрокинул и раздавил Ружену, дочку Венцеславы. Это произошло так неожиданно и так молниеносно, что крик ужаса я услышала секундами позже.

С криком и бранью из танка выскочили двое.

Поняла: водитель и командир. Водителя трясло как в лихорадке, он не останавливаясь без передышки повторял все время одно и то же:

— Убийца, подонок, убийца, подонок...

Командир танка орал тоже прямо ему в лицо:

— Пишу рапорт, сейчас же, под суд пойдешь, гнида.

Видно водитель потерял контроль над собой. Зарывав как зверь, он бросился на командира и одним ударом кулака, сбил его с ног. Падая назад всем корпусом, тот со всего размаха прямо затылком — да об камни. Ничего не видя перед собой и не соображая, водитель стал ему на горло и со всей силой топтал его голову сапогами. Сбежавшиеся танкисты не смогли справиться с безумствующим парнем и только когда подоспевший офицер, ударил его чем-то по голове, он обмяк и затих на руках у своих товарищей. Вскоре прибыл грузовик и на него погрузили мертвого командира и все еще лежащего без сознания водителя. Потом долго возились с тем, что осталось от Ружены. Танк дал задний ход и скрылся за поворотом. Ни живая, ни мертвая Ружена не пропустила танк. Вооруженные солдаты убежали от него. Но танк сам уполз от без-

оружной девушки. Я подумала: а что же интересно стало с этим парнем вашим, с водителем. За Ружену, наверняка, с него не взыщут, а вот командира убил — это ведь расстрел, непременно расстрел. Чешка еще долго что-то говорила, вспоминала детали, подробности, показывала кто где стоял.

Я слышал звуки ее голоса, но содержание уже до меня не доходило. Мысли унесли меня обратно в Москву на улицу Осипенко. Здесь в подвале дома помещался проектный отдел. Однажды к нам в отдел был принят учеником чертежника юноша, окончивший 10 классов, Алексей Иванович Тиль. Высокий, стройный с очень приятным лицом, он как-то сразу понравился всем. Старался скорее начать самостоятельно работать, много спрашивал, то что ему бывало не ясно, а после работы не задерживаясь убегал в свой вечерний институт. Его руководитель группы Алексей Иванович Ланин тепло отзывался о нем:

— И умница и скромный, люблю таких. Сергей Сергеевич, а не могли бы мы ему помочь деньгами через профсоюз? Ведь посмотрите: его оклад ученика 45 рублей, отца нет, мать — медсестра зарабатывает тоже, наверно, не больше 70 рублей. Разделите 105 на 30 дней и еще на двоих. Даже арифметике стыдно от такого результата.

На другой день я вызвал Алешу и попросил его написать заявление под мою диктовку о материальной помощи в размере 100 рублей. Без такого унижительного заявления местком вопрос о помощи у нас не рассматривал. Алеша вскочил, весь покрасневший от смущения, и быстро-быстро, глотая концы фраз, стал мне выговаривать:

— Сергей Сергеевич, я не нищий, я не нуждаюсь в подаяниях, и я и мама работаем и нам хватает. Я прошу вас никогда больше не обижать меня такими предложениями.

Все, что я мог сказать:

— Алеша, я не хотел тебя обидеть, а только помочь. Какой мне смысл и какая радость обижать тебя.

— Я понимаю вас, Сергей Сергеевич, спасибо, но больше, пожалуйста, не предлагайте мне никогда денег, которые я не заработал.

А через некоторое время он пришел ко мне совершенно расстроенный:

— Сергей Сергеевич, вот повестка, меня в армию забирают.

— Как в армию? Ты же студент вечернего института. Это ошибка. Ты сказал в военкомате, что ты учишься?

— Сергей Сергеевич, здесь все сложнее. С третьего курса, действительно, в армию не берут. Я, фактически, и учусь на третьем курсе, а формально числюсь на втором курсе, так как имею один незданный предмет второго курса. Я имею "хвост". А со второго курса в армию берут. Был в деканате, просил справку, что я фактически учусь на третьем курсе, мне не дали и обозвали "ловчилой" и прохиндеем".

— Эх, Алеша, Алеша, а что мама говорит?

— Мама ничего не говорит, мама только и знает что плачет.

— Как же ты "хвост" подхватил, ты же серьезный парень? Алеша отвернулся от меня и глядя в окно с трудом выдавил:

— Нам с мамой, действительно, не на что жить и когда у мамы в больнице заболела уборщица, я после работы стал мыть полы;

ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКИХ ЮНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ
сообщает с прискорбием о преждевременной кончине скаутмастера

ИГОРЯ НИКОЛАЕВИЧА ШМИТОВА

последовавшей 18 сентября с. г. Похороны состоялись
19 сентября на кладбище Оливос

ИЗДАТЕЛЬСТВО И РЕДАКЦИЯ "НАШЕЙ СТРАНЫ"
с глубоким прискорбием сообщают о преждевременной кончине
многолетнего сотрудника газеты художника

ИГОРЯ НИКОЛАЕВИЧА ШМИТОВА

и выражает свое соболезнование семье почившего

АНОНС

АНОНС

16 октября 1982 года

состоится отчетный спектакль балетной студии

МАШИ ПАВЛОВОЙ

заниматься было уже некогда.

Часом позже мы с Алексеем ходили по запыленным грязным горвоенкоматовским корридорам. Подполковник ковырял в зубах спичкой, боролся с отрыжкой и благодумствовал:

— Вот дурачек, с третьего курса угодил.

— Товарищ подполковник, неужели ничего нельзя сделать, мать у него медсестра, отца нет, хороший работник, учится.

— Ладно, ладно давайте ваш ценный кадр сюда.

Когда Алексей вошел, военкоматовец уже принял решение:

— Срок тебе неделя, принеси мне справку из института и я тебя освобожу от призыва. Давай, действуй, ценный работник.

Больше я Алексея не видел, но в отделе узнал: справку ему не дали и в армию забрали. Уже после чешских событий мне сказали, что он не дослужив двухгодичный срок, по состоянию здоровья уволен из армии. Непонятно! Здоровый молодой парень, а уволен по состоянию здоровья.

По закону солдат после службы имеет право прийти на работу в ту организацию, откуда он ушел в армию. А Алексей все не шел. Я просил ему передать, чтобы он пришел ко мне поговорить о работе. Он не показывался. Прошло еще какое-то время и мы узнали о его нежелании работать вообще. Странно, очень странно! На что же они с матерью живут? И вдруг он пришел. И Алексей и не Алексей. Сильно изменился, возмужал, огрубел. Он сел, но на меня не смотрел, лицо его ничего не выражало, встретился со мной так, как-будто видел час тому назад.

— Алексей, почему ты не приходил, я тебя несколько раз звал? Ты хочешь снова работать в нашем отделе?

— Нет, не хочу.

— Ты что — вообще не хочешь работать?

— Да, вообще.

— Ты же так не сможешь жить.

— А мне все равно, я и жить не хочу.

— Алексей, что с тобой? Я слышал тебя освободили от службы по здоровью. Что у тебя?

— Говорили сердце, а сами в сумасшедшем доме держали. А, ведь, ведь вообще ничего не знаете.

— Почему я ничего не знаю?

— Ну кто убил Зою Космо-

демьянскую?

— Как кто? Фашисты.

— А как они ее убили?

— Они ее повесили.

— А вот и не правда. Зою убили я, а не фашисты, но только я ее не вешал, а раздавил танком.

Мне стало ясно, что с ним. Он вернулся душевнобольным.

— Алексей, ты не прав, тебе это все кажется, не нужно никому этого рассказывать, хорошо?

— Нет не хорошо, я буду рассказывать, я хочу и вам это рассказать.

И он сбивчиво то загораясь, то потухая поведал мне:

— Забрали меня в армию, учился, стал водителем танка, тут эти события в Чехословакии и нас перебросили туда. Танковые наши колонны шли через Чехию, никакого нигде сопротивления мы не встречали. И только однажды на улице какого-то города, мы увидели баррикаду и солдат. Командир танка приказал мне не останавливаться и идти через нее. Чехи, несколько солдат, разбежались и тут выскочила Зоя и загородила дорогу танку. Командир закрычал:

— Вперед! А я не могу. Он стал грозить мне расстрелом, судом, еще чем-то. А я не мог. Я просил его разрешить мне вылезти из танка и просто, ну насильно, оттащить ее в сторону. Он не соглашался и орал: давай вперед, она сама убежит и крыл ее матом. Я рванул и... раздавил ее. Дальше плохо помню, что было.

Рассказ Алеши настолько потряс меня, что мы долго молчали. Продолжать разговор или задавать вопросы было невыносимо. Наконец все-таки спросил:

— Алеша, мама знает?

— Да.

— Что она сказала?

— Она спросила: если-бы ты не убил эту девочку, отказавшись выполнить приказ двигаться дальше, тебя бы расстреляли? Я ей ответил:

— Не знаю, может да, может нет. Смотря кто будет судить и как на это посмотрит. Ведь действия то были боевые, а не учебные. Мама мне ответила: для меня ты поступил правильно, а для той матери, конечно, нет. Нельзя нам матерям решать такие задачи.

Через месяц Алексей скончался от разрыва сердца.

За его гробом шла только мать.

Г. ГЕРШАН

Языковые Уродства

КИТАЙСКАЯ ГРАМОТА

Испокон у нас принято писать китайские трехчленные имена в три слова, по типу: Чан Кай-ши, Сун Ят-сен, Мао Цзе-дун. Оно и резонно: китайский язык — односложный (дифтонги, как и простые гласные, образуют один слог). Так же, в основном, и писалось и в западных языках, в научных работах, в газетах, в романах; с чем были согласны и китайские ученые.

Но — новые времена, новые веяния! Коммунистические власти красного Пекина додумались писать на свой лад (им на традицию начхать! и чем больше разорвать с национальным прошлым, тем им слаще): Чжоу Эньлай, Ден Сяопин и т. п..

Конечно, мудрецы там сидят необыкновенные; как же их авторитету не подчиниться? Дело известное: они вон посылают на полевые работы не то, что университетских профессоров, в жизни не державших в руках лопаты, но и хирургов с пианистами, которые часто потом в своем прямом ремесле никуда уже и не годятся. Они вон с огромным шумом провели по всей стране истребление воробьев и прочих птичек; а потом 2-3 года стояли неурожай и голод: жучки и червяки, которых раньше незаметно склевывали воробьишки, расплодились и преспокойно съедали злаки на корню. Они вон и такие моральные правила установили в трудовых коммунах, что муж имеет право видеть жену раз в неделю, если он примерного поведения (ну а нет, — так и не погневайтесь!). Уж наверное, в вопросах языкознания они первоклассные мастера; ведь и товарищ Сталин, как известно, показал себя гениальным лингвистом!

Ясно, красная Москва со всей поспешностью переняла новую орфографию; а за нею и Запад тянется. Что думают специалисты, — Бог весть; они испуганно помалкивают. Любопытно: теперь что же, все прежние книги, где речь о Китае, надо сжечь и заменить новыми? И всех исторических персонажей старого Китая переименовать? Чтоб теперь были всякие Чан Кайши и Сун Ятсен (прямо получается какой-то датчанин либо норвежец!)?

Мы же в простоте полагаем так, что пекинские палачи в силах заставить тех, кто в их власти, не только что говорить, а пожалуй и думать по своему. А нам на них наплевать, и мы под их дудочку плясать не обязаны, и можем (и должны) писать как до сих пор и как наши предки. Оно еще вилами на воде писано, как на этот счет рассудит настоящий, национальный Китай, когда возродится, прогнав коммунистических бандитов. Пока же, какой есть настоящий Китай, — он на Формозе. А что там про эти современные трюки думают, мы даже еще и не знаем. Интересно бы, право, знать, что именно...

Аркадий Рахманов.

Сдается меблированная комната с ползованием телефоном и кухней, район: Ла Люцила-Оливос. 791-9749.

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издатель: М. В. Киреев
Редактирует Редакционная
Коллегия

Цена номера газеты, посылаемой воздушной почтой: Австралия — 0,80 австралийских долларов; Германия — 1,80 немецких марок; Италия — 900 лир; Парагвай — 100 гварани; США — 0,80 долларов; Франция — 4,40 франков; Чили — 30 песо. Все остальные страны — 0,80 долларов США. Цена номера газеты, посылаемой простой почтой: Аргентина — 10.000 песо; Франция — 4 франка; США и все остальные страны — 0,75 долларов.

"Моней ордер" и чеки должны быть выписаны на имя издателя (Miguel Kireeff), с местом уплаты в США или в Европе и посланы по следующему адресу:

Sr. Miguel Kireeff
Monroe 4219, Dpto. 10
1430 Buenos Aires — Argentina

ЦЕНА НА "НАШУ СТРАНУ"
В АРГЕНТИНЕ

С 1-го октября 1982-го года с № 1680-го цена на "Нашу Страну" в Аргентине будет равняться 10.000 песо за номер. Цены на газету в остальных валютах не меняются.

Зарубежная Жизнь

ГОДОВОЕ СОБРАНИЕ ПРИХОЖАН
КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА

29-го августа с. г. в Воскресенском кафедральном соборе, под председательством Е. В. П. Архиепископа Афанасия и при участии соборного протоиерея о. Владимира Скалона, состоялось годовое собрание прихожан сего храма. После прочтения молитвы, Владыка открыл собрание и в своем кратком слове подчеркнул значение этих собраний. Затем была оглашена повестка дня: 1) доклад церковно-соборного старосты А. Р. Ятцена, 2) выборы старосты, 3) выборы помощника старосты, 4) переборы членов приходского совета, 5) выборы в ревизионную комиссию и 6) закрытие собрания. После прослушанного со вниманием доклада, охватившего главным образом экономическую сторону прихода, было приступлено к выборам. Единогласно выбранными оказались следующие лица: А. Р. Ятцен на пятый трехлетний период как староста собора. Помощник старосты — инж. Ю. М. Ракитин. В приходской совет: А. В. Алферов, Т. Н. Базаревич, О. А. Михаловский, А. М. Сильченков. В ревизионную комиссию: А. Ф. Савко, А. В. Баумгартен и др. Л. К. Трегуб.

Большое количество прибывших на собрание прихожан, является доказательством проявленного интереса к приходской жизни и высокого религиозного уровня, что особенно радостно в наш век попираания духовных ценностей.